

Первый сын

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Виктор Лукьяненко

Ссылка на публикацию

Первый сын.

Летная смена в пятницу закончилась в 16.00. Погода была хорошая. Природа в Крыму оживает рано. Весна приближалась к своему экватору. Уже отцвелись сливы и абрикосы, эстафету у них приняли персики и яблони, земля нарядилась в зеленое платье, густо покрытое желтыми одуванчиками, даже вечно угрюмые и колючие акации, стояли в зеленых шапках отбрасывая смешную тень. Дорога с аэродрома домой была более чем приятной: летное задание выполнено, погода отменная, со дня на день я должен стать отцом. Друзья предлагали отметить пятничный вечер в компании гаражного вина, запасы которого не заканчивались вне зависимости, какое время года стояло на дворе. Может быть потому, что я не был большим ценителем Бахуса, но скорее всего по другой причина отказа была другая: уже почти три месяца после работы, я садился на велосипед, и ехал в Саки, где в роддоме, на сохранении лежала моя жена, Наташа.

Я привез молодую жену в гарнизон сразу после новогодних праздников. На том момент она была на шестом месяце беременности. Конечно, можно было ждать ребенка и дома, под присмотром родителей, но не в нашем случае. Почему? Возможно, когда-нибудь я расскажу истинную причину, но не сейчас. Сейчас пусть все будет по классике; муж и жена - одна сатана, вместе навсегда, с милым и в шалаше рай. Кстати, насчет последнего. Когда ты, лихой казак, и жена твоя – казачка, и вы лето в степи, на берегу Дона, и в шалаше, тогда да. Я бы сказал, что в такой ситуации даже шалаш не нужен. Но вот когда на улице минус пятнадцать, а внутри шалаша плюс пять, то никакого рая там нет. Зима 1994 года в Крыму была холодная; бесснежная, но холодная. Гарнизон Ново-Федоровка находится на западном побережье Крымского полуострова в семи километрах от курортного городка Саки. Возможно многие люди никогда бы не узнали об этом поселке, если бы не военный гарнизон, который был нашпигован воинскими частями, как буженина морковкой. Были в нем и летчики, и моряки, и строители, и пограничники. Морской бриз также был одним из постоянных жителей военного городка, днем он дул с моря на сушу, а ночью менял свое направление на обратное. Летом это был приятный освежающий ветерок, под которым можно разве что обгореть, а вот зимой он становился совсем недружелюбным. Дул сильно, часто и студенисто. А когда показатель термометра опускался ниже нулевой отметки, то романтизм выветривается очень быстро. Романтизм, это родственник тепла. Он живет на Юге, но встречается и в суровом климате, возле каминов, печек, буржуек.

Когда молодой офицер подходит к командиру полка с докладом: «Товарищ полковник, лейтенант Пупкин, прибыл для дальнейшего прохождения службы»,

это здорово. Если на этом доклад заканчивается, то такой офицер для командира, не молодой, а золотой. Командир быстро вызывает начальника штаба, а тот в свою очередь делегирует полномочия кому-то из своих подчиненных, а тот отводит тебя в общежитие, где в импровизированной комнате на втором этаже, сделанной на месте бывшего холла, стоит пять пружинных солдатских кроватей, одна из которых на неопределенный срок становится твоей. Вопрос жилья считается закрытым. Но, когда в докладе новобранца есть продолжение: «… со своей молодой женой», это все меняет. Это напряг. Напряг для всех: для командира, для подчиненного, для всех руководителей. А военнослужащие, тем более летчики очень не любят напрягаться. Он живут по принципу «вдруг завтра бой, а я уставший». Даже твоя боевая подруга-жена в этой ситуации тоже чувствует напряг. Да, он сейчас ждет тебя в номере гостиницы, кушает летную пайку, которую ты приносишь с офицерской столовой, но это все временно. А хочется постоянства, домашнего тепла, уюта. В общем, полковник, как и прежде вызывает начальника штаба, они думают, и решают, что какое-то время, молодой семье можно пожить в домике метеорологов. Они вызывают главного метеоролога, убеждаются, что домики сейчас пустые, и вот я уже счастливый несусь с ключом в гостиницу. Домик метеоролога, это та же гостиница, только гораздо скромнее, а главное бесплатно. Если там никто не живет, значит и отапливать их нет нужды. А коль гости понаехали, то тогда обогреватель вам в помощь. Прожили мы там несколько дней. Тут скорее всего победил здравый смысл, нельзя беременной девушке жить в домике, где температура, даже с обогревателем поднимается не выше десяти градусов. Через три дня мы со своими двумя сумками переехали в новое жилье, которое было гораздо теплее и более обжитое. Барак автомобильного батальона был действительно теплым, но страшным, как атомная война. Внешне, деревянная постройка выглядела вполне прилично, но внутри все было уныло и печально. Большой, широкий, длинный коридор, с потертыми обоями и кое-где прогнившим полом, с одной единственной лампочкой в центре помещения, а по правую и левую стороны были разношерстные двери жильцов, у кого-то просто из дерева, обитые блестящим шпоном, другие – выкрашены краской, у самых зажиточных обиты дерматином. В конце коридора было два помещения без дверей: умывальник-мойка и туалет. Отсутствие дверей туалета никого не смущало, так как были дополнительные двери в самих кабинках, а еще потому, что ходили по нуждам только парами: один дело делает, другой караулит, потом смена. Было в общежитии две собаки. Одного пса звали Балбес, другого Дурень. Кто дал им такие клички никто не знал, так как все жители барака говорили, что эти собаки появились здесь еще до них. Это говорило о двух вещах: либо жильцы в бараке долго не задерживались, либо собаки действительно были очень старые. Жили собаки

непосредственно в коридоре, и как водится пугали не только чужих, но и своих. Наташа долго не могла привыкнуть к этим четвероногим друзьям, и, возможно это сыграло с ней злую шутку.

Наша комната была небольшая, но вполне уютная. Стол, два стула, кровать, шкаф, вот и вся мебель. Маленькое окошко, напоминающее бойницу, одинокая лампочка под потолком и батарея, одиноко висящая на стене. Чтобы поддерживать тепло, я притащил в комнату лист оцинкованного железа и два кирпича. На кирпичи установил каменный спиральный обогреватель, приобретенный у местных кулибиных. Он мог одновременно и греть, и кипятить, в общем нужная вещица. Отключали мы этот обогреватель только когда уходили из дома. Глядя на соседей, среди которых было много семейных пар с маленькими детьми, мы начали привыкать к своему по-настоящему первому жилью в Крыму, но это продлилось не долго.

Все изменилось в один день. Наступил февраль. Уже чувствовалось приближение весны. Днем температура была плюсовой, а ночью опускалась немножко ниже нуля. Солнца еще не хватало, поэтому лужи от растаявшего снега, то замерзали, образуя детям мини-катки, то растаивали, привлекая к себя стайки воробьев. Во вторник, служба оказалась короткой, после обеда всем летчикам разрешили остаться дома, так как в штабе отключили электричество. Зайдя в столовую, и плотно пообедав, я прихватил с собой сдобную булочку для Наташи, и на всех парах двинулся домой. Дверь комнаты была заперта, и заперта снаружи, а это значило, что дома никого нет.

- Может пошла в магазин, - подумал я, - пойду ей навстречу.

Я вышел из барака и двинулся в сторону центральной площади. Все магазины находились в одном месте, поэтому разминуться было просто невозможно. Сделав небольшой круг, и обойдя все три магазина, а пошел обратно домой. Конечно, я не думал, что увижу дверь открытой, а жену дома, но для верности еще раз дернул дверную ручку. При всем внешнем спокойствии, я начал нервничать. В голове проносились различные мысли, от вполне безобидных до плохих. Стоя на пороге, я выкурил еще одну сигарету. Был бы у меня еще один ключ, я мог бы ждать дома, возможно, прочитав записку, но ситуация складывалась по-дугому.

Из комнаты напротив вышла соседка. У нее в руках был ключ, наш ключ. Худшие мысли начали всплывать, словно воздушные пузырьки на поверхность воды. Я уже был готов услышать то, что Наташа уехала навсегда, будучи не готовой к такой жизни… Вышла соседка, вынесла ключ от комнаты со словами:

- Ты только не переживай, - начала соседка, - Наташа поскользнулась, упала на копчик, у нее подскочило давление, и мы вызвали скорую. Она сейчас в роддоме.

Примерно через час я тоже был в роддоме, но увидеть свою ненаглядную так и не смог. Дежурный врач сказал, что сейчас моя жена отдыхает, ей нельзя волноваться. В связи с угрозой выкидыша ближайшее время она проведет под наблюдением. На вопрос, сколько продлится «ближайшее время», он спокойно ответил, что все зависит от ситуации, но не исключено, что до самых родов. Мне ничего не оставалось как поблагодарить доктора, и двинуться в сторону дома. Булочка, которую я нес Наташе со столовой, так и оставалась лежать в кармане летной куртки, завернутая в салфетку.

Я попросил доктора передать ее моей жене, не просто как лакомство, а как доказательство поддержки, как знак моего присутствия.

Мы встретились на следующий день. Наташа плакала, она была уставшая и подавленная. Давление по-прежнему было повышенное, ей ставили капельницы и делали уколы. Она сказала, что ей утром передали булочку, и она с удовольствием скушала ее за завтраком. Мы долго болтали, сидя в комнате для посетителей, хотя, комнатой это помещение можно назвать с натягом. Это был обычный предбанник с тремя скамейками. Мое присутствие ее успокаивало, но ровно до того момента, пока я находился рядом. Я пообещал, что каждый день буду приходить к ней и приносить мягкую булочку. Так и получилось, без малого три месяца, практически каждый день я бегал на свидание к своей жене за семь с половиной километров. Поначалу мы часами сидели на нашей скамейке. Со временем я знал всю обстановку в родильном отделении: фамилии врачей, имена рожениц, их мужей, их детей, кто родил, когда родил, кого родил. Когда потеплело я начал ездить к Наташе на велосипеде, который взял в безвозмездное пользование у сослуживцев. Такое передвижение занимало гораздо меньше времени. Со временем, я начал возить с собой верхнюю одежду для своего «колобка». Мы по несколько часов гуляли в парке, который находился рядом с роддомом. Весна в Крыму приходит рано, а вместе с ней и тепло, поэтому наши прогулки были долгими и приятными. Свежий воздух, цветущие деревья, сочная зелень, пенье птиц. Это было замечательное время. Держась за руки, целуясь и обнимаясь мы уже так привыкли к сложившейся ситуации, что уже даже не представляли, что может быть иначе. Не УЗИ мы принципиально не ходили, так как в какой-то мере остались детьми своих родителей, то есть «староверами». Время родов было назначено еще на первых месяцах беременности. И хотя я относился к этому скептически, но считал, что если это и произойдет 16 апреля, то будет большим подарком для Наташи, ведь ее День рождения 19 апреля.

К средине марта я перенес наши скромные пожитки из барака в новую двухкомнатную квартиру. Я снял наше первое жилье. Квартира находилась на четвертом этаже нового, пятиэтажного дома и располагалась в пятистах метрах от моря. Окна выходили во двор. Было еще одно окно, которое выходило на «парк ядерной войны», так я называл рощу из акаций, которые практически круглый год стояли без листьев, и казалось, что растут на этих деревьях только колючки. К этому окну мы доступа не имели, так как старый хозяин, запихнул в нее все свои «сокровища», закрыл на амбарный замок; а ключи забрал. Боялся он за свои ценности, вдруг новые квартиросъёмщики окажутся цыганских кровей. На тот момент, моего житейского опыта не хватило, чтобы спросить, что делать если, вдруг, в запретной комнате прорвет трубу или разобьется окно, или просто затопят соседи сверху. Да это было не так и важно. Закрыл и закрыл. На самом деле эту комнату мне пришлось открыть и даже частично воспользоваться находящимся в нем имуществом, но это уже другая история.

Мы получили в аренду, только голые стены с постеленным линолеумом и поклеенными обоями, а еще красный дисковый телефон, который стоял на полу возле входной двери, и по нему хозяин обещал периодически звонить и спрашивать, как у нас дела. То, что квартира была пустая, было даже на руку. Во-первых, можно спокойно бороться с плесенью на холодной стене, которая выходила на лестничный пролет подъезда.

Во-вторых, к концу марта должен прийти контейнер с нашими скромными пожитками, с предыдущего места службы. Богемского стекла у нас не было, но самым необходимым за время совместной жизни мы успели обзавестись.

В военном гарнизоне соседями считались даже те, которые жили в соседнем доме, а если говорить, о тех, кто жил с тобой на одной площадке, или на соседних этажах, то даже разговора нет, это не просто соседи, это почти родственники. Закончилось масло, идешь к соседям, поймал рыбу, поделился с соседями, сосед уехал в командировку, помогаешь не только жене, но и соседке, в хорошем смысле этого слова.

На третьем этаже, под нами жили Гурьяновы. Андрей, майор, морской строитель, его жена Лена, домохозяйка, и две дочки Оля и Таня. А еще Лена была беременна третьим ребенком, и как оказалось в процессе знакомства, рожать должна была вместе с Наташей. Забегая наперед, надо отметить, что так и произошло. Соседство трижды мамы было очень полезным. Много советов по уходу за ребенком, мы получили не из учебников, а из первых рук.

А еще в военном гарнизоне, да и вообще в армии, большое значение имело землячество. Если с тобой служит человек из одной области, или района то он

тебе, как родственник. А если случалось встретить сослуживца с одной деревни, то это все равно, что у тебя в части брат появился. Была даже поговорка армейская: «земляка встретить, что дома побывать». Странно конечно все это землячество. Так подумать, мы все земляки: ну представьте себе русский, француз и китаец высадились на Марсе с какой-то миссией. Кто они? Правильно – земляки. Был и у меня земляк, заместитель командира автомобильного батальона, подполковник, Сергей Григорьевич Кореневский. Как говорил мой отчим, «жук еще тот». Сергей Григорьевич был родом из Винницкой области (если что я с Полтавской). Его двоюродная сестра, Валентина, работала учителем химии в нашей школе. Надо отдать должное, и еще раз сказать слова благодарности. Когда ты подполковник, то гораздо лучше понимаешь армейскую жизнь, разбираешься в ее тонкостях, можешь дать дельный совет новобранцу, тем более земляку.

Приближалась средина апреля. Я уже купил кроватку, начал втихаря от жены прикупать пеленки да марлю для подгузников, а контейнера с домашними вещами все не было. Так-то вроде бы и ничего страшного, взял в полку пару новых матрасов да одеял, вот вам и кровать. Электрическая печку позаимствовал у соседей, а вот с холодильником - беда. Тепло наступает, на балконе продукты хранить уже нельзя, холодильник нужен. Я, то, в столовой питаюсь, могу даже на ужин туда ходить, а вот когда приедет Наташа и малыш, как быть. Высказал обеспокоенность соседям, сказали, чтобы не переживал, отведут они место в своем холодильнике для нас. В свою очередь, по каналам военной связи связался с железной дорогой и получил ответ: «Ждите, в пути ваш контейнер». 15 числа, как обычно пришел в роддом, чтобы забрать своего «колобка» на прогулку, но не получилось. Сказала, что были первые схватки, а врачи сказали, чтобы больше никаких прогулок:

- Хочешь гулять, гуляй по коридору! Хочешь родить в парке, под платаном, вперед, но на нас можешь не рассчитывать.

Эти слова мне передала Наташа. Даже с ее уст они звучали убедительно, поэтому мы обменялись воздушными поцелуями, через окно палаты, и я пошагал обратно в гарнизон. По пути заглянул к своим будущим кумовьям, Мовчанюкам, Вове и Вале. С Вовой мы вместе заканчивали военное училище. Они поженились еще в училище, поэтому были готовы к военной семейной жизни. К тому же Валюха была свой человек. Она приехала к новому месту службы вместе с мужем, устроилась на работу к нам в полк, и даже получить служебную квартиру. Детей у Мовчанюков не было, поэтому взять освободившуюся однушку они согласились. Это была не квартира, а уютное гнездышко, в прямом смысле этого слова. Валя была неутомимой, и благодаря ее энтузиазму и идеям, новая

квартира постепенно превращалась в райский уголок, диво-дивное. Конечно, в таком отношении были и недостатки: Мовч постоянно жаловался, что все его свободное время уходит на ремонт и улучшение, а всем известно, что мужчины в ремонте бывают в основном только спринтерами, но никак не стайерами. Даже я принимал участие в этом ремонте, если случайно заходил «не вовремя». А еще немножко напрягало то, что в квартире у Валюхи, надо было писать сидя на унитазе, согласитесь непривычно. Как говорится, зашел я удачно: Мовчанюки как раз собирались ужинать. А по правилам гостеприимства надо было доставать из холодильника не только еду, но и графинчик водочки. Глаза у Вовки сразу загорелись. Хорошо, посидели, поговорили, обсудили все новости, надо и честь знать. Вовка вызвался меня провожать. А я и не возражал, потому что знал по пути мы заглянем в ларек и купим по бутылочке холодного пива, ведь всем известна народная мудрость «водка без пива – деньги на ветер».

День догорал. Сначала была мысль пройтись к морю и посмотреть с пирса на садящееся за горизонт солнце, но ноги подсказывали другую идею, поэтому перекурив на лавочке возле подъезда я поднялся домой. Телевизор еще не приехал, радиоточки в квартире не было, из печатных изданий был только телефонный справочник. Была мысль смастерить полку под телефон, а то он по-прежнему сиротливо стоял в коридоре, возле входной двери на табуретке, которую я позаимствовал в матросской казарме, но быстро улетучилась. Необходимых кусков фанеры я еще не нашел, да и затевать столярные дела ближе к полуночи не совсем гуманно. Оставалось лечь спать. Я плюхнулся на матрас, который лежал рядом с собранной детской кроваткой, укрылся одеялом, но сон не шел. Может потому, что было еще прохладно, а может потому, что фонарь из соседней стройплощадки светил прямо в лицо. Было ощущение, что этот фонарь специально поместили на уровне окон четвертого этажа, чтобы он освещал здоровый сон граждан. Штор на окнах еще не было, они где-то тряслись по железной дороге вместе с телевизором, диваном, холодильником, и другими скромными офицерскими пожитками.

Я уставился в потолок и начал думать, вернее разговаривать сам с собой:

- Почему именно она? Почему моей женой стала именно Наташа? Чего в ней такого особенного, чего не было в других девушках? Ведь были предложения гораздо выгодней, во всяком случае с экономической точки зрения. Согласен, экономика это не мое. Мое дело эмоции, романтика, постоянное движение, стремление вверх. Вот тебе и ответ. Вспомни, как вы познакомились!? Да, это было круто. Мы летали на лагерном аэродроме Тацинский, в Ростовской области. Шурик Литвиненко летал со мной в одном звене. Мы были вместе со времен абитуры, с первого дня, как он в с другими военнослужащими вошел в казарму.

Что нас объединило? Мы даже не были земляками. Он с кубанской станицы, я с украинской деревни. Он Литвиненко, я Лукьяненко. У них «балакают», и у нас «балакають». И по характеру, и по комплекции, и по мировоззрению, мы были разные, но все-таки, мы были вместе. Может быть, мы дружили потому, что Сашке нравились «хохлы», а я им что ни на есть был. После полетов Шурик решил жениться. Никакие уговоры и доводы повременить на него не действовали. Он переживал, что Маринку уведут, поэтому все сам решил. Мне досталась роль свидетеля на свадьбе, или дружка (дружки), как говорят станичники. Отказаться я не мог, да и не хотел. Я всегда с большой охотой и энтузиазмом воспринимал все новое. Нужно было найти костюм. Где его взять? У меня даже в школе, на выпускном, костюма не было, рубашка, брюки и галстук. Тут такое не прокатывало, тем более у Шурика. Он перфекционист до мозга костей. С этой задачей я справился. «Барский подгон» сделал мой летчик-инструктор Вячеслав Васильевич Демкин. Он сказал: «Хохол, тебе повезло, будешь щеголять в моем свадебном костюме. Я его надевал один раз. А потом жена меня раскормила и висит он без надобности. А за это привезешь мне кубанской самогонки». На том и порешили. То, что на свадьбе будет «такая свидетельница»: комсомолка, спортсменка, и просто красавица… для меня не играло большой роли. Шурик неоднократно рассказывал, что дружка также была из кубанской станицы, училась с Маринкой на одном курсе Кубанского Государственного Университета, и жила с ней в одной комнате общежития, и к тому же была ее лучшей подругой. Но я, визуалист, поэтому все эти рассказы не имели большого значения. Вечером на кануне свадьбы приехала свидетельница. Она остановилась, как и полагается в доме невесты, и мы пошли знакомиться, так сказать «утрясти нюансы завтрашней сделки». Наташа была хороша. Мне она понравилась гораздо больше невесты (не обманул шурик). Красивые, вьющиеся волосы касались плеч, большие глаза, острый подбородок, ямочки на щечках. Веселая, говорливая, и в то же время скромная. Я сразу понял, что мы с ней «споемся». Вечером, предложил Наталье прогулку под луной, но она отказалась, и это немножко огорчило.

- Любви с первого взгляда у нас не получилось, да и ладно, - думал я. Завтра свадьба и это главное.

Кубанская свадьба мне понравилась. Особенно, нравилась традиция, когда во время дарин, кто-то из гостей бросал двухкопеечную монету и говорил: «Даю вам двушку, пусть дружок, целует дружку». Ооо, это были те просто поцелуи, это были волшебные поцелуи, страстные, сочные, горячие и желанные, как мед, как арбуз, огонь. Знал бы я раньше, я бы всем гостям заранее двушки раздал. По народной кубанской традиции (шуточной, конечно) для того, чтобы у молодоженов был счастливый брак, дружок должен переспать с дружкой, так

сказать, доказать молодоженам свою преданность. Я был готов воплотить в жизнь эту идею с момента первого поцелуя. Может быть, все так бы и произошло если бы не еще одна традиция - пить стакан водки за украденную туфлю невесты. Да, я выпил этот стакан, поз возгласы ошалевшей публики. На тот момент я был их героем, их кумиром, я был эталоном свадебного свидетеля. Кто выпивал стакан водки, тот знает, что интоксикация организма наступает очень быстро. Не каждый организм готов с этим справится. Последствия гарантированы, и они не очень радужные. Я не сдавался, я изгонял зеленого змея танцами и весельем. А он долго сжимал меня своими кольцами. Координация движений нарушается. Если в танце это трудно заметить, то в состоянии покоя очень даже. Хотя в одной постели мы с дружкой и не оказались, Наташа не бросила меня в трудную минуту. Она была рядом до того момента, когда я обессиленный мирно уснул на постеленном нам ложе.

Второй день свадьбы расставил все точки над «И», в наших будущих отношениях, именно тогда, во мне было посеяно то зерно, которое называется влюбленностью. Дружка была в наряде цыганки. Я даже подумать не мог, что так можно играть роль. Скорее всего я даже не думал об этом, я видел, я верил, и я знал, что вот, та девушка, которая мне нужна, с которой можно и в огонь, и в воду, и на край земли. Не одного меня влюбила в себя Наташа. Пока я только планировал признаться ей в любви, а мои друзья черноволосый Кайрат Жумагулов, красавец Влад Шепелевич уже писали ей романтические, вдохновенные письма. Я тоже писал и уступать Наташу никому не собирался. Даже если я в чем-то уступал своим оппонентам, но только не в упорстве. И это упорство победило. Однажды, Наташа сказала: «Я влюбилась в собственного мужа». Кто знает, может я женился, чтобы в последствии услышать эти слова. Сейчас мы вместе, и вскоре станем счастливыми родителями. Все только начинается. Семейная жизнь приближается к своей первой вершине. С этими мыслям я провалился в глубокий сон.

Меня разбудил звонок. Сначала звонили где-то во сне, потом звонок начал доноситься из коридора, и лишь потом я понял, что звонит телефон. На часах было ровно шесть утра. Я встал и медленно побрел к телефону:

- Ало!

- Привет папаня! – голос в трубке был знакомым, но никогда раньше по телефону я с ними не разговаривал.

- Вы, наверное, ошиблись номером, - пробормотал я, готовясь повесить трубку, но голос не унимался.

- Эй, эй, Витя, ты что!? С будуна? Это Сергей Григорьевич, Кореневский… Сын у тебя родился! Поздравляю! Собирайся, я часа через полтора за тобой заеду. Поедем в роддом.

- Когда? Как? – вырвалось у меня.

- Ночью, в 3.15, вес 3400 грамм, рост 53 сантиметра, на тебя не похож, пошутил товарищ подполковник, но я его уже не слышал. Я не слышал больше ничего. Даже после того, как в трубке появились короткие гудки, я продолжал стоять с трубкой в руке и как будто во сне. В этот момент происходила перезагрузка моего собственного я, из мужа, я превращался в отца.

У меня родился ребенок, у меня родился сын, я стал отцом. Это было данностью, но я еще не мог в это поверить. На тот момент я даже не знал, как мы назовем нашего первенца. Через несколько дней, уже находясь дома, из офицерской шапки, Наташа, достала бумажку, на которой было написано имя Антон. Какие еще имена были в качестве альтернативы я уже не помню, но пока ребенок не начал сам произносить свое имя, тесть, Иван Данилович, продолжал называть его Тарасиком.